

Гаглоева Бэла Ботазовна

Gagloeva Bela Botazovna

старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Юго-Осетинского государственного университета
имени А.А. Тибилова

Senior Lecturer,
World History Department,
South Ossetian State University

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В 1930-Х ГГ.: СПЕЦИФИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЬГОТНОЙ ПРОГРАММЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА ОСЕТИИ) [1]

THE FINANCIAL SITUATION OF THE RED PARTISANS IN THE 1930S: THE SPECIFIC AND REGIONAL ASPECTS OF THE BENEFITS PROGRAM (A CASE OF THE SOUTH OF OSSETIA) [1]

Аннотация:

В статье впервые на базе источников, выявленных в фонде Центрального государственного архива Республики Южная Осетия, рассматриваются особенности материального положения новой для XX в. социальной группы – красных партизан. По-средством анализа и перекрестного сличения материалов специальных комиссий, партизанских организаций и такой уникальной источниковой базы, как личные анкеты, письма, докладные записки, заявления партизан, предпринята попытка реконструкции процесса реализации льготной программы для бывших комбатантов, изучены ее специфика и региональные особенности. Следует отметить, что отсутствуют специальные работы, посвященные вопросу оказания материальной помощи партизанскому сообществу. Таким образом, представленная статья является первой работой по данной проблематике, содержащей результаты исследования как опубликованных материалов, так и неопубликованных. Автором на основе имеющихся данных сделан вывод, что материальная помощь оказывалась не всем нуждающимся и чаще затрагивала лишь небольшую группу функционеров из партийно-советской номенклатуры, членов их семей, доверенного актива.

Ключевые слова:

партизаны, комиссии, чистки, материальные выплаты, недовольство, неравенство, адаптация, итоги льготной программы.

Summary:

Based on the Central State Archives of the Republic of South Ossetia, the study reviews the aspects of the financial situation of the Red Partisans, a new social group in the 20th century, for the first time. Having analyzed and compared the materials of the special commissions, partisan organizations and such a unique source as personal questionnaires, letters, notes, statements of the South Ossetian partisans, the author attempts to reconstruct the benefits program applied to former combatants. Its specific and regional aspects are analyzed. It should be noted that there are no studies on the financial support provided for partisans. This paper is the first research on this issue that is based on both unpublished and published materials. In terms of the data available, the author concluded that not all those in need received financial support. It was mainly provided for some Soviet party insiders, their family members and proxies.

Keywords:

Red Partisans, commissions, purges of staff, benefits, dissatisfaction, inequality, adaptation, benefits program effects.

После завершения Гражданской войны и победы «большевизированного» руководства партизанского движения в военно-политическом противостоянии в Осетии каждый бывший участник военных действий вне зависимости от партийной принадлежности надеялся на определенные бонусы от формирующейся власти. Большевистская верхушка декларировала новые возможности, социальные лифты для всех, кто находился на стороне просоветских организаций [2]. Это тем более было важно для населения юга, полностью разоренного в 1920 г. после бесчинств грузинской армии. По мнению бывших комбатантов, завершение войны должно было стать отправной точкой реализации тех лозунгов, за которые они сражались с белогвардейцами и меньшевистскими властями.

Однако реальность не подтвердила те установки, которыми оперировали большевики: власть пыталась совместить революционные цели и законы государственной жизни. В годы новой экономической политики советскому правительству пришлось отказаться от многих декларируемых ценностей и узаконить товарно-денежные отношения. Конституционное право на труд столкнулось с фактом безработицы, всенародная собственность на землю – с малоземельем, а в годы коллективизации и вовсе с лишением права на землю.

В 1920–1930-е гг. экономическая ситуация в стране была чрезвычайно тяжелой: каждый новый виток советской модернизации давался невероятными усилиями. Развитие промышлен-

ности сопровождалось обнищанием крестьян, их ожесточением против власти, не поддерживающей простого сельского труженика. В условиях послевоенной реальности комбатанты оказались в более тяжелом положении, нежели остальные слои населения. Их представления о социальной справедливости никак не соотносились с теми условиями, в которые они оказались ввергнуты. Как справедливо указывает О.М. Морозова, «калечащий опыт военных действий влиял на формы поиска справедливости... Под лозунгом всеобщего равенства массовое сознание понимало повышение собственного статуса. Признавалось, что герои революции имеют право на лучшие условия жизни, привилегии» [3, с. 236]. Поэтому каждый бывший партизан стремился узаконить свой статус и получить причитающиеся ему льготы.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13.01.1930 г. «О льготах бывшим красным партизанам и красногвардейцам» новая власть решила отметить заслуги своих сторонников выдачей кредитов, землеустроительными льготами, бесплатным обучением в вузах, первоочередным выделением жилья, работы, стипендий, обеспечением семей погибших и раненых материальной/медицинской помощью и т. п. [4, л. 112]. Для реализации партийно-государственных решений по льготной программе в регионах были сформированы специальные комиссии. Их основной социально-экономической задачей было посредством чисток определить реальных участников военных действий 1917–1921 гг. для присвоения привилегированного статуса красного партизана или красногвардейца, что давало в обществе всеобщего дефицита и бедности существенные материальные блага. Первые сведения о деятельности этих организаций на юге Осетии относятся к 1930-м гг.

На предмет получения льгот все бывшие участники военных событий стали заполнять специальные анкеты, содержавшие все сведения о комбатанте, включая материальное положение. Видя в партизанских комиссиях инстанции общения с властью, люди подкрепляли анкеты заявлениями, письмами, докладными записками, с помощью которых подписавшиеся ставили в известность верхи о преследующих их в «новом социалистическом обществе» нуждах и проблемах. Выявить препятствия в деле реализации льготной программы, специфику, региональные особенности удалось с помощью документов проверочных комиссий, периодики. Часть сведений была подтверждена путем анализа введенных впервые в научный оборот личных заявлений бывших партизан.

Итак, первые препятствия в получении декларируемых материальных благ содержались в работе самих комиссий. Решения их членов о зачислении/исключении бывших бойцов не всегда были объективными. Они часто использовали служебное положение для сведения личных счетов с бывшими боевыми товарищами. Допускалось игнорирование удостоверяющих документов от боевых командиров об участии бойца в партизанских отрядах. Например, даже самые лестные слова от руководителя всеми вооруженными силами повстанцев М. Санакоева о том, что «никто из интеллигентов не согласился сотрудничать с нами во времена Гражданской войны, кроме Р.Н. Гаглоева и А.А. Тибилова, в то время как мы очень нуждались в этом», не помогли последнему утвердиться в списках партизан [5].

Второй причиной механического выбывания из списков льготников послужила невозможность присутствия на заседаниях комиссии из-за болезни, отдаленности сел, нахождения на учебе/работе в другом городе и т. п. Причиной исключения также мог стать банальный донос или необоснованный отвод. Из сказанного следует, что субъективное составление списков, многочисленные нарушения в работе комиссий выступали препятствием для получения льгот многими заслуженными партизанами. Только в 1930 г. для утверждения в списках льготников поданы 2 753 заявления. На это указывает большое количество анкет, запрашиваемых из Всегрузинского Совета партизан. Согласно отчетам за 1932–1933 гг. проверку на получение льгот прошли 1 059 кандидатов. К началу 1935 г. в списках партизан по Юго-Осетии осталось всего 522 человека. Однако даже те, кто был зачислен в состав льготников, не смогли в полной мере воспользоваться материальными благами. Эти данные нами приведены ранее [6], но следует учесть, что реальное число лиц, в той или иной форме участвовавших в партизанском движении, имевших права на льготы, многократно превышало указанное в рассмотренных источниках.

Исследование анкет показало, что большая часть партизан в графах «на какие средства живете», «нуждаетесь ли теперь в помощи и в какой» указывали: «не имею средств», «нуждаюсь во всем», «в лечении», «в средствах, чтоб прокормить иждивенцев», «в постоянной работе» и т. д. Таким образом, большинство заявляло об отсутствии льгот. Данное утверждение подкрепляется протоколами комиссии за 1932–1933 гг., где из 42 обращений о получении материальной помощи/пособия удовлетворены 12, из 38 просьб о повышении пенсии положительное решение получили 5, в 17 поданных заявлениях о необходимости лечения отказано в 13 случаях.

При этом согласно выпискам из протоколов комиссий значительные суммы (от 500 р.) выделялись членам президиума, их семьям, близким на лечение, определялись персональные пенсии/пособия и т. п. Назначенный партизанам размер финансовой помощи не позволял удовлетворить даже самые важные жизненные потребности. Показательно заявление: «Бюро красных

партизан за неимением средств для оказания материальной помощи ходатайствует перед ОГПУ об увеличении пенсии Д. Мамиеву, который содержит на пенсию в 30 р. семью из 6 человек. За неимением других приработков у семьи нет возможности даже нормально питаться». Не менее плачевным оказалось положение вдов, семей раненых, не сумевших добиться получения материальной помощи. Нужда по-прежнему преследовала и ту часть партизан, которые оказали содействие в проведении политики коллективизации в селах. Даже занятость в колхозах и совхозах как наиболее действенный способ повышения материального положения не решала проблему: «Числюсь в списках бедняков. Остро нуждаюсь в работе, – писал М. Козаев. – Семья из 8 душ на одного работника. Работой в колхозе их содержать не могу» [7, л. 109]. Для подавляющего большинства бывших партизан, 90 % которых были крестьянами, переход к мирной жизни не привел к изменению социального статуса, они по-прежнему принадлежали к крестьянскому сословию. При этом послевоенная дифференциация в их среде не меняла основного положения: бывшие красные партизаны продолжали ощущать себя единой социальной группой [8, с. 78].

Согласно результатам анализа архивных документов воспользоваться социальными лифтами, открывшимися после льготной программы, удалось лишь лицам, приближенным к бывшему военно-политическому ядру национального движения. Именно из них пополнялись ряды местной милиции (12 %), часть активных участников и командиров отрядов была выдвинута на руководящую, хозяйственную работу (10 %). Около 4 % направлялись в села в качестве учителей; 5 – назначались председателями колхозов, молочных артелей, сельсоветов; 4 – набирались на оплачиваемые места шоферов, трактористов и т. д.; 3 % становились работниками партизанских организаций, что обеспечивало им хлебные пайки, помощь в приобретении дров, одежды [9]. Таким образом, примерно треть бывших партизан смогла добиться карьерного продвижения.

Действенным способом разрешения вопроса льготных выплат была поступающая материальная помощь из центра, что позволяло регионам увеличивать собственные экономические ресурсы. В частности, после 1920 г. Дагестан смог получить десятки тонн продовольствия, сотни миллионов рублей на развитие. За 1930–1931 гг. на нужды партизан Грузии правительством СССР было отпущено более 2 млн р. Только за 1930 г. СНК СССР выделил Грузии 1 млн р., из которых 225 тыс. были направлены на образование запасных капиталов, производственных точек и т. п., что смогло значительно расширить оборот денежных средств. В отличие от соседних регионов, где выплаты стали осуществляться из собственных ресурсов, экономическая уязвимость Юго-Осетинской автономной области крылась в положении датируемого из Грузии. В 1933 г. партизанам юга перечислено всего 54 тыс. р., а затем дотации и вовсе прекратились. Согласно отчету первой конференции партизан «за безразличным отношением некоторых передовых работников (из верхов) к нуждам партизан выделенная сумма не была использована по назначению». Из организаций, приносящих прибыль, можно назвать лишь лесопильный завод, но из-за недостатка средств он стоял без работы до 1935 г., имея всего четыре рабочих места, а после и вовсе ликвидирован. Благодаря субсидиям власти Грузии помимо льгот, зафиксированных 13.01.1930 г. ЦИКом и СНК СССР, предоставили дополнительные послабления для всех партизан, постоянно проживавших на их территории: освобождение от платы за жилье, коммунальные услуги и др. Вследствие этого сложилось противоречивое положение, когда грузинское правительство смогло обеспечить высокий уровень жизни населению, а непродолжительные выплаты не оказали существенного влияния на развитие внутренней экономики юга. Данная проблема ставит под вопрос само существование полноценного социального государства в 1930-е гг., в котором распределение материальных благ осуществлялось в соответствии с принципом социальной справедливости.

Реальное материальное положение комбатантов на 1934 г. было отражено в итоговом отчете Областного совета партизан: «Несмотря на то что почти большинство советско-партийных аппаратов и организаций возглавляются бывшими красными партизанами, материальную помощь до сего времени Совету бывших партизан никто никакой еще не оказывал, при этом каждый желает пользоваться льготами партизан. Материальная помощь выдается редко, и то в случае смерти партизана» [10, л. 79].

Выход из экономического кризиса красные партизаны видели в завершении постройки перевальной дороги через Рукский перевал, соединивший обе части Осетии. Проект был предложен одним из активных революционеров, бывшим партизаном, инженером Р.Н. Гаглоевым. В телеграмме, направленной И.В. Сталину, Общество партизан юга просило: «Подводя итоги нашим достижениям за 10 лет, вынуждены констатировать, что бездорожье составляет главную причину нашей культурной и экономической отсталости. При нашем безземелье, слабом развитии промышленности этот вопрос составляет вопрос жизни и смерти нашего края. Несмотря на нищету после меньшевистского разгрома, мы сами даем стройматериалами, деньгами два миллиона рублей... Мы, красные партизаны Юго-Осетии, просим Вас оказать в этом вопросе энергичную помощь» [11, л. 82]. В 1935 г. с

прекращением деятельности партизанских организаций исчезла необходимость в создании социума партизан, а тема предоставления материальной помощи не имела продолжения.

Таким образом, процесс адаптации бывших красных партизан к условиям новой жизни с ее ориентацией на товарно-денежные отношения проходил крайне тяжело. Власть ставила перед гражданами все более сложные задачи, которые нередко входили в противоречие с ранее декларируемой идеей равенства и благополучия. Вернувшись к мирной жизни, комбатанты в меру своих сил и возможностей стали бороться за советский строй без тех реальных узурпаторов на местах, принесших во властные структуры другие идеалы. Последние явно отличались от тех, которые комбатанты отстаивали своей кровью в годы Гражданской войны. Тем самым представления о демократии, вынесенные из горнила сражений бывшими комбатантами, оказались достаточно устойчивыми и подпитывали антибольшевистские настроения даже в 1930-е гг.

Ссылки и примечания:

1. Статья публикуется при финансовой поддержке РФФИ (проект а/я 16-21-13001).
2. Heretz L. The Psychology of the White Movement // *The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and Civil Wars* / ed. by V.M. Brovkin. New Haven ; L., 1997. P. 105–121.
3. Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. Ростов н/Д., 2010. 349 с.
4. ЦГА РЮО (Центр. гос. арх. Респ. Южная Осетия). Ф. 27. Оп. 1. Д. 1301. Л. 112.
5. Архив Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З.Н. Ванеева. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6.
6. Гаглюева Б.Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920–1930-е гг. // *Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики* : сборник материалов конференции. Смоленск, 2017. С. 25–30.
7. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1303. Л. 109.
8. Посадский А.В. Феномен красных партизан. 1920–1930-е гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 78–91.
9. Рабочая правда. 1930. 16 июля.
10. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1303. Л. 79.
11. Там же. Д. 1301. Л. 82.

References:

- Gagloeva, BB 2017, 'South Ossetia partisan commissions activity in the 1920-1930s', *Razrabotka i resheniye aktual'nykh nauchnykh problem: voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov konferentsii*, Smolensk, pp. 25-30, (in Russian).
- Heretz, L 1997, 'The Psychology of the White Movement', in VM Brovkin (ed.) 1997, *The Bolsheviks in Russian society. The Revolution and Civil Wars*, New Haven, London, pp. 105-121.
- Morozova, OM 2010, *Two acts of drama: the past battles and the post-war everyday life of veterans of the Civil War*, Rostov-on-Don, 349 p., (in Russian).
- Posadsky, AV 2010, 'The phenomenon of the Red Partisans in the 1920-1930s', *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 78-91, (in Russian).
- Rabochaya Pravda* 1930, 16 July, (in Russian).